

КОРТНИ КОЛЛИНЗ

Читайте в серии:

Ян Вайлер

«Человек маркизы»

Утхит Хемамун

«Сказители»

Давид Гроссман

«С кем бы побегать»

Кортни Коллинз

«Птаха»

КОРТНИ КОЛЛИНЗ

ИМАХА

АЗБУКА

Москва

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

К60

COURTNEY COLLINS
BIRD

*Перевод с английского Екатерины Шукшиной
Дизайн обложки Виктории Лебедевой*

Коллинз, Кортни
К60 Птаха : роман / Кортни Коллинз ; [пер. с англ.
Е. Шукшиной]. — М. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. —
336 с. — (Имена. Зарубежная проза).
ISBN 978-5-389-25562-3

Кортни Коллинз создала проникновенную историю о переселении душ, о том, как мы продолжаем находить близких людей через годы и расстояния, о хитросплетении судеб и человеческих взаимоотношений, таких же сложных сейчас, как и тысячи лет назад.

Когда-то в незапамятные времена жила-была девочка по имени Птаха. Часто она смотрела на реку, протекающую недалеко от отчего дома, и знала: эта река — граница между той жизнью, которую она обязана прожить, и той, о которой мечтает. По одну сторону реки были обязанности, долг и несчастливый брак, который устроил проигравший все деньги отец. По другую — свобода и, может, даже простое счастье с тем мальчиком, которого она знала с детства.

Жила девочка по имени Птаха и в наше время. Матери не было до нее дела, и большую часть времени Птаха проводила наедине с собой, без конца рисуя в альбоме одних и тех же откуда-то знакомых ей людей и всеми силами пытаясь отыскать в этой сложной жизни собственный путь, за который она готова заплатить любую цену.

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-389-25562-3

© Courtney Collins, 2024

© Шукшина Е., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2025

Издательство АЗБУКА®

Посвящается Джуди

После множества жизней, пожалуй,
переменится что-то.
Полагаю, увидишь итогом,
что хотел увидеть, —
Умирать и опять возвращаться
не придется боле.

Луиза Глюк, «Дрозд», Аверно

Пролог

Десять тысяч косичек хлопот.

Отец смеялся, говоря это своим друзьям. Он имел в виду твои волосы. А еще твою жизнь, да и все жизни, которые тебе только предстоит прожить. И по предложению отца, счастья в них не будет, поскольку родилась ты девочкой. Тебе как раз исполнилось четырнадцать. Сестра Мида заплетала тебе косы. Ты тогда почти ничего не понимала ни про себя, ни про то, чего тебе хочется. Но уже с подозрением относилась к родителям и всем их словам.

В ту первую жизнь ты родилась в деревне, расположенной в излучине широкой реки, за которой вдали виднелись горы. В твоём представлении горы обещали целый мир, но тебя отделяла от него река.

Отец и мать рассказывали про реку, про помолвленных деревенских девушек, пытавшихся бежать, но река утопила их, *потому что*, говорили

они, ей не нравится, когда девочки не слушаются. А разгневавшись, река закипает телами девушек и девочек, и их поедают рыбы. Потому что они не слушались. Недоеденное рыбами, по версии родителей, выносит на берег, будто жемчужинами усеянный зубами девочек. Они не разрешали тебе туда ходить.

В двенадцать ты наконец самостоятельно дошла до реки и все там исследовала. Тогда родители как раз готовились к свадьбе Миды с соседом Чоу. Вся деревня знала: Чоу жадный и жестокий. Однажды, пробегая мимо его хозяйства, ты видела, как он пнул свою собаку, только потому что та стояла у него на пути. И всякий раз, заслышав скулеж бедного пса, разносящийся по долине, ты знала: все дело в ботинке Чоу. Твои родители тоже это понимали. А потому ты не могла взять в толк, зачем он приходил посидеть у вас за столом и обсудить приданое Миды, а та, наливая ему чай, мило улыбалась.

Ты и секунды не смогла выдержать в обществе Чоу, который плотоядным взглядом осматривал дом, и побежала через поле к дороге, мимо земли Чоу, мимо соседских угодий, прямо к реке; так далеко ты никогда не заходила. Обшарив берег реки, ты не нашла никаких девичьих останков. Выгребала тину руками, гадая, что там может быть спрятано. Но под пальцами шуршал только гравий — ни косточки, ни осколка косточки. Ты бродила по берегу, заходила в воду, и ничего страшного с тобой не случилось. Потом ты сидела на гладких камнях, опустив ноги в прохладную реку, и смотрела на

Птаха

плывущих уток. Река не накажет, если ты не будешь слушаться родителей или еще кого, поняла ты. Ей все равно. И ты поклялась себе в один прекрасный день перебраться на тот берег.

Сейчас тебя нет там, где ты начинала, — в деревне, расположенной в излучине реки, за которой виднелись горы. Тебя унесло дальше — в другую жизнь, в другое время.

Ты на больничной койке, очень далеко. Но именно здесь ты чувствуешь, как в тебе поднимается река. Как она обрушивается на берега, сносит глиняные стены, которые ты понастроила за свои жизни, и все хитрости, с помощью которых ты научилась забывать.

И именно здесь, косичка за косичкой, ты начинаешь вспоминать...

I

ГИМАЛАИ, ГОД НЕИЗВЕСТЕН

Теплый погожий день. Ты стоишь лицом к полю. Время жатвы. Тяжелые колосья ячменя клонятся к земле.

Мать на кухне, и ее взгляд опаляет тебе спину. Ты поворачиваешься. Мать вымешивает тесто и будто бы не видит тебя. Она готовит сладкие клецки к свадьбе, которой ты вовсе не хочешь, горы клецок, которых ты вовсе не просила.

Что ты смотришь на меня? Смотри на него! — кричишь ты, указывая на отца. Он тоже избегает тебя. Сидит на пне за свинарником и лакает домашнее пиво. Он пьет его каждый день, с тех пор как объявил о твоей свадьбе на праздник жатвы. У него не хватило духу поговорить с тобой, и ты узнала, что твоя собственная свадьба состоится в следующее полнолуние, вместе с остальными сельчанами.

По пути домой, сидя на непроданных мешках ячменя, ты возроптала: *Жениха-то нет! За кого же мне выходить замуж?*

Отец сосредоточенно правил телегой, мать устремила взгляд куда-то далеко, и никакого ответа ты не получила.

В деревне, когда дочь достигала совершеннолетия, отец на рынке или на празднике обычно объявлял о намерении подыскать ей жениха. Через много месяцев, а может, и раньше, когда подходящий жених изъявлял желание взять дочь в жены, проходили переговоры и отец объявлял о свадьбе. Так было с Мидой. С того же помоста отец расхвалил ее красоту и добродетели и заявил, что ищет ей хорошего мужа. Довольно скоро появилось немало претендентов. Оттого ты и не поняла, почему лучшим сочли предложение Чоу и почему Мида решила его принять. Но она все-таки приняла, а вот ты не принимала ничего.

Перед последним поворотом ты спрыгнула и побежала к Миде. После свадьбы она с Чоу и его родителями жила в соседнем доме.

Мида на кухне готовила чай для Чоу, который уезжал по делам, и объяснила: *После того как мы поженились, Чоу выплачивал долги нашего отца. Но дальше платить не собирается. В общем, то, что родители называют свадьбой, на самом деле — аукцион, и продавать будут тебя. Кредиторы угрожают отцу, времени терять нельзя. В ночь полнолуния тебя продадут за самую высокую предложенную цену.*

Пора жатвы. Солнце заливает поле, а оно сияет в ответ. Обычно любимое твое время: колосья выше головы, можно ходить сколько угодно, и никто тебя не заметит. От вашей семейной фермы осталась лишь тонкая полоска ячменя. Сейчас отец, спотыкаясь, выйдет из-за свинарника

и зарежет поросенка, но денег за него не увидит, так как всю выручку просадил за последней игрой в чаупар.

Ты предпочитала думать, что все твои беды из-за него; не могли же оба, отец и мать, так ужасно с тобой поступить. Но утром, когда Мида пришла помочь матери готовиться к свадьбе, ты услышала их разговор во дворе.

Захочет ли кто-нибудь взять ее в жены? — спросила мать. Они развешивали фонарики и таскали стулья.

Мама, прости мне мои слова, ответила Мида, *но, пожалуй, это не лучшая ваша идея.*

Ты прилагала максимум усилий, чтобы как можно хуже выполнять все, чему учила тебя мать — готовить, убирать, носить еду, складывать белье. Она и не скрывала, как хотела мальчика, и иногда тебе тоже этого хотелось — тогда ты была бы свободна. Поскольку, помимо утомительной работы по дому, она старалась научить тебя тому, что идеальная дочь должна мириться со своей участью и не задавать вопросов.

Ты не хочешь повторять жизнь матери. Как ей объяснить? Ты хочешь такой жизни, какую пока не видишь. Какую тебе словно нашептывают поле, горы, дорога; а дорога еще говорит, что ты можешь улизнуть из деревни и умчаться прочь.

Так нет же, ты должна мечтать о жизни, как у матери, и принять все, что она тебе ни скажет. И наваливается такая тяжесть, которую можно

Кортни Коллинз

сбросить только бегом. Всякий раз, чувствуя ее, ты выбегала на дорогу. С самого детства. Но недавно стали жаловаться соседи, в том числе Чоу. Ты, дескать, привлекаешь к себе внимание.

Говорят так: *Бегают животные. А девочки — нет.*

Ты стоишь на краю поля, взгляд матери направлен на тебя. Ты берешь с земли камень и оборачиваешься. Мать качает головой. Ей не нужно произносить никаких слов, ты и так понимаешь, о чем она думает...

Ну вот опять...

Когда ты целишься камнем в окно.

Я не хочу замуж! — кричишь ты. Мать успевает закрыть ставни, и камень попадает в них. Ты кричишь громко, чтобы слышала вся деревня, потом умолкаешь. Кругом тишина.

Ты раскидываешь руки и начинаешь вертеться. Поднимаешь голову к небу. Крутишься, крутишься, пока мир, состоящий из дома, свинарника, матери, сестры, отца, полей, не сливается в унылую пустоту.

И тут ты опять слышишь голос матери.

Захочет ли кто-нибудь взять ее в жены?

Ты садишься на корточки и рвешь руками траву. Предательство болью отдается в груди. Ты встаешь, поворачиваешься лицом к полю, у тебя кружится голова. Побежав, ты спотыкаешься. Но все равно бежишь. Ты бежишь к дороге, и плевать, кто тебя видит.

ДАРВИН, НАШИ ДНИ

Ты просыпаешься одна в белой комнате. Все тело налито свинцом. Ты даже пошевелиться не можешь — тебя привязали к кровати. Ногами натягиваешь веревки, но они нисколько не ослабляются.

Солнечный свет пробивается по периметру занавесок, и ты понимаешь: сейчас день. Одна рука лежит поверх одеяла, вторая в петле. По плечу как будто били дубиной, спутанные волосы при дыхании поднимаются и опускаются, словно на груди улегся полудохлый зверь.

Ты догадываешься, что находишься в больнице. В палате стул, высокая тумба с железными ящиками, стол на колесиках и аппарат с мигающими огоньками — красными и зелеными. К свободной руке прикреплена канюля.

Ногти твои выкрашены в зеленый металл, а на внутренней стороне запястья той руки, что в петле, татуировка — маленькая *m*. Вряд ли это религиозное, думаешь ты. Ты ведь неверующая. Ты подтягиваешь запястье поближе к глазам, но,

судя по тому, как съехал хвостик буквы, татуировку делал любитель (или ты сама?); ты ничего не помнишь.

Ты вообще мало помнишь. В голове туман, и хочется спросить кого-нибудь, как ты здесь очутилась.

Во рту мучной привкус, как будто клей. Ты осматриваешься в поисках воды.

В дверях женщина.

Доброе утро, Птаха, говорит она. Ты не слышала, как открылась дверь, поэтому непонятно, сколько времени она уже здесь стоит.

Вы кто? — спрашиваешь ты.

Твоя медсестра, Марджи. Зашла тебя проверить.

Почему меня привязали к кровати?

Тебя ввели в общий наркоз, а дети, выходя из него, иногда кричат и сучат ногами. Это называется синдром разгневанного ребенка.

Я ребенок?

Тебе четырнадцать лет и девять месяцев. Врач беспокоился, как ты выйдешь из наркоза, поскольку в организме уже были наркотические вещества. Ты знаешь, что принимала?

Она говорит громко и медленно, будто иначе ты не поймешь.

Ты качаешь головой. *Нет, не помню.*

Она идет к тебе с градусником. *Можно я подсуну его тебе под язык?*

Какой сегодня день?

Утро вторника.

А когда я сюда попала?

В понедельник после обеда. Откроешь рот?

С гадким привкусом во рту тебе не хочется его открывать.

Птаха

Вы не могли бы дать мне воды?

Она наливает в пластиковый стаканчик воду.

Ты медленно ее пьешь.

Вы знаете, как я здесь очутилась?

Прости, отвечает она, и лицо ее напрягается.

Мне нельзя говорить.

Тебя обливает волной покалывающего жара.

Ладно, а кому можно?

Медсестра отходит к железной спинке кровати в изножье и постукивает ручкой по планшету с информацией о пациенте.

Вы вообще ничего не можете мне сказать?

Она оборачивается на дверь, потом опять к тебе.

Ты с водяным пистолетом пыталась ограбить заправку. Подоспели двое полицейских, и один выстрелил тебе в плечо.

Почему вы говорите шепотом?

За дверью охранник. А мне нельзя ничего тебе рассказывать.

Охранник?

Решили, что ты склонна к побегу.

Очень смешно.

Ты дашь мне измерить температуру?

Ты открываешь рот. Язык до сих пор синий, удивляется медсестра и пристально на тебя смотрит.

Почему у тебя синий язык? Ты хочешь, чтобы она отвернулась, и закрываешь глаза. Наконец пищит градусник.

Как ты себя чувствуешь? — спрашивает сестра, вынимая его.

Непонятно. Кажется, я не очень много помню.

Натерпелась, наверно?

Если честно, я знаю только то, что вы мне сказали.

Похоже, тебе захотелось голубого слаша¹.

Слаша?

Поэтому язык синий. И ты выпила его, до того как заплатить. Или вообще не заплатила. Я могу что-то сделать для тебя, прежде чем уйду?

Да. Снимите, пожалуйста, эти веревки. Я не могу пошевелить ногами.

Медсестра Марджи вглядывается тебе в лицо, смотрит в глаза. Вроде ты без осложнений вышла из наркоза.

Ну, если не считать того, что я ничего не помню.

Воспоминания вернутся. Просто отдохай и жди.

Она отстегивает ремни под кроватью, а затем наклоняется над тобой и снимает их. Но, наверно, у Марджи подкосились ноги, поскольку она теряет равновесие и падает на тебя.

А-а! — кричишь ты.

Прости, пожалуйста. Медсестра поспешно поднимается. Лицо ее вдруг становится серым.

Вы собираетесь упасть в обморок? — спрашиваешь ты.

Меня вообще не должно здесь быть. Смена закончилась несколько часов назад.

Почему вы тогда здесь? — спрашиваешь ты, но Марджи уже вышла из палаты.

Поскольку ремни развязаны, ты пытаешься сесть. Все тело болит. Ты размышляешь о том, что

¹ Слаш (англ. Slushie) — холодный напиток, который представляет собой фруктовый или ягодный лед, размолотый до состояния ледовой кашицы.

Птаха

сказала медсестра. Бессмыслица. Зачем тебе грабить заправку? Пожалуй, не стоит ей верить, но рана-то вот она, и судя по боли, вполне возможно, от пули. Хотя откуда тебе знать?

Ты вынимаешь руку из петли. Плечо покрыто прозрачной клейкой лентой, а под ней перевязано бинтом. Ты ощупываешь ленту, но не можешь найти ни начала, ни конца. И засыпаешь.

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Кортни Коллинз

ПТАХА

Ответственный редактор *Д. Захарченко*
Литературный редактор *Т. Агеева*
Технический редактор *Л. Синицына*
Корректоры *А. Брусник, Е. Шумская*
Компьютерная верстка *В. Демин*

В оформлении обложки использованы иллюстрации:

© Ursa Major / shutterstock.com
© Sakarin Sawasdinaka / shutterstock.com
© Yanliang Tao / shutterstock.com

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 15.11.2024.

Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Spectral».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,64.

Тираж 3000 экз. Т-ИЗР-34553-01-Р. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» ЖШҚ –
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус»
Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі,
12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55

Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

18+